

Александр ОРЛОВ

ВЫЙТИ В ЛЮДИ

Рассказ

Рабочие будни поднимали меня в пять утра, и я в целях экономии шел на работу пешком. Как и всегда, охрана на проходной констатировала, что я первый поднимаюсь на четвертый этаж, в лабиринты зуботехнических лабораторий. В военном госпитале для ветеранов Великой Отечественной войны и горячих точек я работал второй год, воспринимал это как работу, которая меня кормила, но мои родители и в особенности дед, Александр Павлович, испытывали чувство гордости и ожидали от меня большего. Но стоматология, как и большинство других видов деятельности, на начальном этапе не приносит много денег.

Помню, как первую мою заработную плату мы с друзьями пропили в тот же вечер в глубине оврага Нескучного сада под покровом раскинувшихся деревьев. Новеньких купюр хватило на три бутылки водки, а две баклажки кваса уже купили дво-

вые друзья Андрюха Кошмар и Андрюха Бегемот. Но домой в тот день заглянуть я успел, вручив маме сумку с курицей, сосисками, хлебом и картошкой. Поэтому пировать я имел полное трудовое право. Бегемот устроился лучше нас всех, он приглядывал от братвы за дядиной фирмой строительных материалов, и это изумительное положение устраивало всех, так как за неделю на распилах столешниц этот подсматривающий зарабатывал на заветную новенькую «Ладу» девятой модели. Скупердьям Бегемот никогда не был, и поэтому всем было хорошо, машины у него не было, а все добытое он тратил на болезненное приобретение шмоток, и сейчас, переболев Труссарди и Армани, он болел Версаче. Брендовые недуги были подкреплены ежечасовым выкуром косяка веселой травы и вечерними забавами в злачных заведениях Садового кольца.

На моем рабочем верстаке полыхала горелка, пахло газом,

воском, смолами, парафином, кислотами, раздавался стук киянок и молотков, попеременно работали машинные моторы. Шла привычная работа. Периодически, минуя запрещающие таблички и предупреждения медицинского персонала, в лабораторию заходили пациенты и просили по-свойски делать протез особенно внимательно. Кто-то засовывал в карман халата пятьдесят или сто рублей, кто-то — яблоко, а кто-то сразу шел писать жалобу. В этом месяце к зарплате полагалась премия, и уже заранее наш старший техник Всеволод Ростиславович Бердичевский предупредил: «Думаю, все помнят, но напоминаю: не забудьте зайти к ней». К ней — это к шестидесятитрехлетней Галине Захаровне Бездонной, главному врачу госпиталя, которая собирала конверты с полагающейся податью со всех работников госпиталя в день зарплаты. Очередь выстраивалась длиннейшая вначале за положенным государственным вознаграждением, а потом на аудиенцию к милому созданию Бездонной, которая не имела ни высшего, ни профессионального образования, была обучена только акушерскому

делу и мздоимству. Я ее ненавидел. Денег и так все время не хватало, а здесь еще эта дымковская игрушка, вставшая на путь внутригосударственного рэкета.

Настроение было неважнецкое, я попросил взаймы у доктора Кербеля. Он сказал:

— Милый Саша, только завтра, хорошо?

— Хорошо. — И я отправился с такой же просьбой к зубному технику Айзмону, который сообщил:

— Саша, я скажу вам и только вам, так как уважаю вас и мы с вами не просто коллеги, но и живем рядом: никто у нас не дает денег по понедельникам, только со вторника, и то не всем. Это традиция, о которой все приличные люди молчат, и только мое к вам расположение раскрыло тайну понедельника. Завтра, хорошо?

— Хорошо. Но почему нельзя в понедельник? — уточнил я.

— Эх, Саша, вы еще очень молоды. Все дело в том, что есть старая примета, я ее слышал еще от мамы моей мамы, а Рахиль Абрамовна слов на ветер не бросала, поверьте мне. Если в понедельник дать денег, то вся неделя пройдет в денежных расходах, и так можно пойти по миру.

В нашем заведении эту традицию чтут, — пояснил Айзман.

— Иди скорее к телефону, босяк, — окликнул меня Бердичевский.

Я взял трубку общего телефона, который находился в коридоре, и услышал взволнованный голос Бегемота:

— Сань, выскочи на несколько минуток, сейчас пацаны подкачают, я только Кулему видел, он к тебе рвется.

— А он займы мне на неделю не даст? — спросил я у Бегемота.

— У него и спросишь, он твоего номера не знал, я не дал, сам набрал, а дальше не моя тема, — соскочил с разговора друг детства.

Андрея Кулемина я знал с шести лет. Мы бывали вместе в пионерских лагерях и на спортивных сборах, наши родственники работали в системе Мосэнерго. Когда мой дед возглавлял комсомольскую, а потом и партийную организацию ТЭЦ, он принимал в ряды избранных отца Кулемы. Андрей был старшим сыном в семье, и было у него еще два брата, и все как на подбор добрые мальчишки. Кулема в детстве был рыхловат, а когда начал заниматься футболом, его неплохая техника всегда те-

рялась из-за медлительности, он был неповоротлив, и я всегда подтрунивал над ним.

У меня как раз наступило время перерыва. Я спустился, зашел за угол госпиталя, и ко мне мгновенно со свистом подкачали «жигули» с тонированными стеклами. Из машины во все горло заливался Михаил Круг. Кулемин, сияющий как медный таз на солнце, выскочил мне навстречу, рукопожатие переросло в братские объятия, и начался разговор.

— Здорово, братиш! Что, все трудишься? — И Андрей, улыбаясь во весь рот, подкалывая меня, пропел:

Я не хочу судьбу иную,
Мне ни на что не променять
Ту заводскую проходную,
Что в люди вывела меня...

— Здорово! А у тебя есть другие соображения? — парировал я.

— Они всегда есть. Как видишь, и результаты тоже. Господь, Он с неба все видит, поэтому и помогает нуждающимся, — умничал Кулема.

— Поздравляю с такими результатами. Надо обмыть, — порадовался я за друга.

— Ты когда закончишь?

— В шесть, а что?

— Может, пораньше свалишь? Сегодня такой день, ты что, забыл? — удивился он.

Я понял, о чем говорит Андрияха. Несколько лет назад в этот день убили нашего одноклассника Леху Цыплакова. Убили жестоко у метро. Его нашли лежащим лицом вниз, а когда перевернули, кровь хлынула потоком. Никто не знает точного количества ножевых ран, но ударов было много, и убийца провернул несколько раз ножом в животе у Цыпы. Вместе с Цыплаковым на ночную встречу был зван и я, но отказался идти, несмотря на все Лехины подколы, что я еще девственник, что учусь в десятом классе. Он обещал всю ночь петь мне под гитару, привести классных девок старше нас и говорил, что все будет. Он давно бросил школу, а за три месяца до смерти пришел играть в футбол — точнее, приехал на очередном мотоцикле, в кожаной косухе с повязанным поверх нее платком.

Что Леха Цыпа воровал, никто точно не знал, но все догадывались, еще в школе учителя с опаской относились к нему, побаивались, он хамил, материл всех, всегда носил сапоги казаки под школьную форму.

В какой-то момент он перешел все грани, мог ударить в пах ногой при выяснении отношений, проткнуть руку карандашом сопернику, мы трижды дрались. Только раз была ничья, дважды я проигрывал.

В тот вечер мы играли в разных командах, тягаться со мной на поле не мог никто, а Цыпа не мог проигрывать, и в конце второго тайма он все же нанес удар, который мог бы стать голом престижа в наши ворота, но гола не было, мяч влетел в ворота, разорвав сетку сбоку. Он сказал, что гол был, и все согласились, я сказал, что гола не было, и матч мы выиграли всухую. Цыпа шел ко мне, по ходу спрашивая, был ли гол, я отвечал, что не было, и все это видели. Он подошел ближе и внезапно нанес мне сильнейший удар в кадык, я устоял, но слезы брызнули из глаз. Кто имел дело с уличной дракой, знает: ударом в кадык можно убить человека. Я успокоился, а Кулема, провожавший меня домой и не раз получавший от Цыпы по голове, говорил, что обидчик мне сильно завидует.

После этого Цыпа пропал, но накануне ночью, когда его убили, он встретил меня во дворе моего дома и упрашивал пойти

с ним вместе. Я отказался. С ним пошел Костя Кот, который был старше нас, отсидел по малолетке, был здоровым и уже бородатым, его нашли в нескольких метрах от Цыпы с пятью ножевыми ранениями в спину. Он выжил, восстановился, женился, родилась дочь, а потом Кота нашли второй раз — выловили в Москве-реке с перерезанным горлом.

— Я не поеду! Работы много, и хочу отдохнуть, — ответил я.

— Ну и зря, он был первым из нас, кто что-то начал понимать в этой жизни. Ты что, зол на него? — спросил Кулема.

— Нет. Я на него никогда не злился, просто не поеду, нет желания. — Я замолчал.

Кулема прервал паузу:

— Да, он был первым, а Первак — вторым, ты помнишь Лешу Первакова?

— Помню, — ответил я.

Кулема, вздохнув, сказал с горечью:

— Да, и я, конечно, помню.

Леша Перваков был на год нас старше, худой, низкорослый, наглый. Он все время гонял на картинге и мопеде. Мама его воспитывала одна, работала уборщицей в магазине. Первак добывал себе на жизнь самостоятель-

но лет с тринадцати. Он с друзьями грабил преуспевающих гомосексуалистов, облюбовавших Нескучный сад. Первак был подставным, делал вид, что готов в кустах обслужить денежных извращенцев, а в лощинах Нескучного сада их поджидали крепкие ребята. Они жесточайшим образом избивали любителей однополрой любви и подростков, отбирая все, что могли, у некоторых выставляли квартиры, делали компрометирующие фотографии и шантажировали потом. В итоге обиженных собралось немало, видимо, были и влиятельные, ведь милиция бездействовала. Они нашли Первака, а точнее — заказали его убийство. Первака выследили, а потом сбили на машине, а на прощание несколько раз переехали. Хоронить семнадцатилетнего парня пришлось в закрытом гробу.

Я задумался и сказал:

— А что так вздыхать? Теперь этим никого не удивишь! Газеты открой: каждый день кого-то мочат. Что, всех поминать? — отреагировал я.

— Может, ты, братан, и прав! Но в Донской я все равно заеду, убиенные все в рай попадают, пусть они с того света мне фарт

намолят. Отстал ты от жизни, Сашок, да и по православной тяге тебе посвящаться надо. Ты пойми, Господь, Он нас, разбойный люд, любит, потому как жалеет. Понимаешь? Он кого с Собой с креста прихватил? Сам знаешь — разбойника. Так что ты зря батрачишь на страну, которой нет. Так и жизнь не познаешь. В мужиках засидишься, и блатное понятие тебя не спасет, — ответил он.

— Да, страны нет. Ничего больше нет, что почвой нашей было, но в Донской ты один пойдешь, — отрезал я.

— Зря. Ты слышал, что самого патриарха Тихона Московского недавно там мощи нашли? Я и хочу к нему сходить, в место то, где он молился, от красноперых претерпел, и партачку¹ набью с его образом на груди, чтобы он меня хранил. Поехали, три минуты на тачке — и мы у него в гостях, — не унимался Кулема.

— Бричка-то откуда, однокласничек? — спросил я.

— Только тебе, брат, скажу: помнишь Тамаза, который друг моего отца, на этаже у нас раньше жил, сосед, сидел который потом два раза? Он, кстати, на зоне по второму заходу, по ходу

положенцем² был, воры его поставили, когда узнали, что дядя Тамаза Кривого еще со сталинских времен урка³, — сыпал словами Кулема.

— Не знаю его, но ты рассказывал, — ответил я.

— Короче, друг его, Зурик, не совсем прав был по одной ситуации. Мы с ним рамсовали⁴. Тамаз его сторону хотел принять, но потом вспомнил, как меня на руках носил грудного, и сказал: «Сами разбирайтесь». Мы поехали за гаражи поговорить, а он быковать как начал, сука черножопая, но я подготовился. В общем, мы зацепились, и я его замочил. Первый раз ударил, потом остановиться не смог, а потом нож сломался, то ли в ребра, то ли в грудину попал, отверткой добивать пришлось, там его и выкинул. — Кулема говорил шепотом, быстро, озираясь. Потом добавил: — Тамаз узнал — вначале орать начал, потом, я так понял, очканул, я бы и его замочил. В общем, Зурика похоронили, мусорам дела

² Положенец или смотрящий (крим. жаргон) — человек, назначаемый «вором в законе» в местах лишения свободы и имеющий право принимать решения в его отсутствие и от его имени.

³ Урка (крим. жаргон) — вор.

⁴ Рамсовать (крим. жаргон) — разбираться в ситуации.

¹ Партачка (крим. жаргон) — татуировка.

особого нет, а я несколько дней машину отмывал от крови, запарился, так что с почином меня. Видишь, какая ласточка, и это только начало, — душевно заулыбался Кулема и сжал кулак, на котором блестела золотая печатка с отрубленного пальца особо опасного рецидивиста Зураба Зестафонского.

Я, ошеломленный, слушал одноклассника и смотрел на него, думая, куда делся тот добрый и пухловатый мальчик, который еще несколько лет назад в черной шляпе, с сережкой в ухе подрабатывал на подтанцовках у Аллы Пугачевой.

— Теперь точно не поеду! — ответил я.

— Ты что, ссышь? — презрительно фыркнул Кулема.

— Ссу, не ссу, да если и так, то с тобой не пойду в Донской. Ты душегуб. Что я с тобой, мокроворотом, вымаливать у почившего патриарха буду? Срок? Нары помягче? Дачку к днюхе? Помню, был я на исповеди в Донском, мне тогда иеромонах Тихон посоветовал начать с себя. Ты бы задумался.

Повисла напряженная пауза. Казалось, еще мгновение — и мы сцепимся, как два зверя. Кулема уже привык, что все

идет, как он хочет, но школьные драки, всегда заканчивавшиеся не в его пользу, были еще свежи в памяти. Я боялся его или просто опасался. Но кто из нас опасался больше?..

Он заговорил:

— Штаны тебе менять не буду, сегодня по крайней мере, сам справишься, не малолетка. Но запомни: Опт, что Оптину пустынь основал, разбойником был, а знаешь, сколько таких было до него от распятия Христова? Так что подумай, как жить, почитай, ты же любишь. Мы с тобой сила были бы. Недолго только, а чтобы лучше думалось, знай: братва наша иконе Божией Матери Нечаянная радость больше остальных поклоны шлет и особо почитает церковь в Марьиной Роще в ее честь. Съезди или вместе давай, — настаивал Кулема.

— Не хочу совместного процесса на том свете. Я сам по себе, и ты сам по себе. А ты это с кем? — спросил я, завидев в машине двух пацанов помоложе нас.

— Ты что, не узнал? Ты даешь! Это Губа и Мешок, — рассмеялся Кулема.

— Теперь узнал, помню, в пионеры их принимали, они нас на три года младше. Брата твоего одноклассники? — спросил я.

— Я никого в пионеры не принимал! — врал мне Кулема. И продолжал врать: — И тряпку эту красную не носил, и уродца этого кучерявого в золоте на значке не терпел, да и ты бы забыл об этом, — посоветовал Кулема.

— Все мы носили! Это я значок не носил, просто не люблю значки, а галстуку был рад, и ты, помню, сиял, когда тебя после последней смены принимали на заводе Серго Орджоникидзе, — напомнил я.

— Путаешь ты меня с кем-то, Саня, не было такого, да и завязывал бы ты работяжить, жизнь сейчас другая, вникать в нее надо, — зло прошептал Кулема.

— Вникай, вникай, — ответил я. — А мелкота тебе эта зачем?

— Забочусь я о них! Они настоящими парнягами растут, а я помогаю. Вон сейчас поедут на вокзалы или к метро, — разоткровенничался Кулема.

— Зачем?

— Тренируются! На бомжах, на нелюдях всяких удары отрабатывают, чтобы ножи не ломались в главный момент. Хочу нужными их для жизни подготовить, чтобы в люди вышли, — на прощание важно сказал Кулема.

Они уехали в Донской монастырь. Молить о справедливо-

сти и счастливой жизни. Я смотрел им вслед, а потом вернулся за верстак.

Вокруг происходили события, не поддающиеся моему пониманию. Не уходящие из моей головы слова героя романа Николая Островского «Как закалялась сталь» Павки Корчагина: «Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы», — думалось, универсальные, сказанные на все времена, сейчас должны были потерять смысл. В сознание моего поколения врывались понятия новых хозяев жизни. Становилось модным походить на персонажей картины Юрия Кары «Воры в законе», снятой по мотивам произведений Фазиля Искандера, примерами для подражания стали герои Марио Пьюзо из саги «Крестный отец», Серджио Леоне из киноленты «Однажды в Америке», фильмов Брайана де Пальмы «Лицо со шрамом» или «Путь Карлито», Мартина Скорцезе «Славные парни»... Эти настойчиво распространяемые, заманившие книги гангстерские киноуроки появлялись фактически одновременно с тем, как пришло знание о святителе Тихоне, патриархе Московском, о священ-

номучениках Владимире Бого-
явленском, митрополите Ки-
евском и Галицком, Вениамине
Казанском, митрополите Петро-
градском, о преподобномучени-
цах великой княгине Елизаве-
те Федоровне, инокине Варваре
Яковлевой... Это была брань ви-
димая и невидимая, словно ста-
ли явью все пророчества и пред-
сказания.

Позже, через несколько ме-
сяцев, я встретил Кулему на но-
венькой черной «девятке», с
толстой золотой цепью на шее, и
сомнения закрались в мое серд-
це. Я все думал: «Как же так?
Я сутра до вечера пашу, а он спит,
жрет, пьет — и на “девятке”».
Злился сам на себя, а потом
меня это чувство отпускало...
Через два года Кулема, разоде-
тый в черные одежды от Джан-
ни Версаче, ездил на БМВ, по-
том был первый его срок, вто-
рой, третий, и я больше никогда
не видел его.

Прошли годы. В пятницу ве-
чером я зашел в пивную недале-
ко от дома, через несколько ми-
нут в ней появились младший
брат Кулемы, мой тезка, а с ним
Губа и Мешок. Они были одно-
классниками.

Мы поздоровались, завяза-
лась беседа. Сашка, как и ра-

нее, трудился, он не был по-
хож на брата, работал, сколь-
ко его помню, стал отцом.
Губа и Мешок, заметно погруз-
невшие, рассказали о второй
войне в Чечне, в которой оба
поучаствовали, о женах и де-
тях, о своем духовнике в Дон-
ском монастыре, о частых
походах к мощам святителя
Тихона Московского. Потом
я спросил:

— Как брат?

— Ты что, не знаешь? — уди-
вился Кулемин-младший. —
Он тебя постоянно вспоминал.
Саш, после последней ходки он
почти не ходил, все с палочкой
и в перчатках, все тело покры-
то псориазом, ты же знаешь, он
у него с детства...

— И что?

— Он умер, — Сашка ответил,
еле сдерживая слезы.

Мы вчетвером выпили мол-
ча. Без слов, поминаний. Про-
сто выпили.

— От чего? — спросил я.

— У него были туберкулез
и СПИД. Колоться он давно на-
чал. И угорал долго, по чуть-
чуть, пока в скелет не превра-
тился. — Он замолчал.

— Сгнил, значит. Вышел
в люди, весь вышел по чуть-
чуть, — не сдержался я.